

Вырезка из газеты ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

от 12 АПР 1947

Москва

Газета №

В. ПЕРЦОВ

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

К 17-й годовщине
со дня смерти
В. Маяковского

Маяковский возвысил в своей поэзии советского человека — его волю, самостоятельность, дерзание. Он боролся со всем тем, что оставалось в сознании наших людей в качестве пережитков капитализма. Высшим примером, любимым идеалом, самым человечным человеком был для него Ленин. Сравнивая людей с лодками, на которые с течением времени наливает «много всяких грязных ракушек», Маяковский говорил:

Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше.

Маяковскому нужны были «слова-бичи» для уничтожения негодного на стройке социалистического отечества. Он их нашел в своей сатире. «Служака», «Помпадур», «Трус», «Подлиза», «Сплетник», «Ханжа» — все разновидности «прозаседавшихся» оскорбляют гордый, смелый народ, сбросивший угнетение человека человеком. Все эти стихи, написанные по конкретному поводу, животворят гнев, вдохновленный любовью к родине.

Скоре по возвращении из Америки, в конце 1925 года, Маяковский выступал на диспуте о советской печати. Вот первые слова его речи, не утратившие своего значения, несмотря на то, что многое с тех пор изменилось:

«Здесь многие говорят о том, что наша пресса скучна. Такое же отношение было отчасти и у меня. А ценить весь интерес нашей прессы только по возвращении из-за границы, после того как начинаешь в Америке про змеиные яйца в Москве, размазывание драгоценностей Вандербильда или о злонамеренности 12 китайцев, желавших нагадить двум американцам, и т. д.»

В своей великой поэме «Хорошо!» поэт удивительно ясно выразил сущность нового чувства любви к родине — советского патриотизма. Богатым «национальным трудным» непонятно это высокое чувство. Любовь к родине недостатна современному буржуа, только прикрывающемуся «национальной» маской.

Жена,
да квартира,
да счет текущий —
вот это —
отечество,
райские кущи.

Ради «вот такого отечества» богатые организуют с помощью иностранных государств блокаду Советской России, морят голодом своих соотечественников, договариваются об интервенции с разбойниками империализма, грабят, разоряют родную землю:

Чужими
руками
жар гребя,
дым
отечества
пускают
пострелины...

Маяковский написал свою патриотическую поэму после того, как он «земной шар чуть не весь обошел». С уважением созерцал Маяковский высокую американскую технику — и не растерялся перед ней. Советская страна только вступала в ту по-

ру на путь социалистической индустриализации, но Маяковский ясно видел наши великие перспективы. Он хвалит Бруклинский мост: «Я горд вот этой стальной милей...». О ньюйоркских вокзалах он говорит, как об одном «из самых гордых видов мира». В индустриальном пейзаже он ценил гордую красоту, достойную человека-творца. А такой человек встает во весь рост только на родине Маяковского.

«Бруклинский мост — да... Это вещь!», — но ведь:

Нам
через пропасть
прямо к коммунизму
перевинут мост...

Маяковский сумел трезво оценить технические достижения капитализма, но он ясно видел величие наших планов и дел, «размаха шага сажень» и еще глубже сознавал превосходство советского общественного уклада. В своих стихах и очерках он сумел разглядеть не только Америку небоскребов и престовских воротил, но и ту «одностаяжную Америку», где «в 15 минутах ходу, в 5 минутах езды от блестящей 5-й авеню и Бродвея... стоят ящики со всевозможными отбросами, из которых нищие выбирают не совсем обеденные кости и куски...»

«Мое открытие Америки» — так назвал поэт со свойственным ему глубоким юмором свои очерки, в которых он разоблачал лживую болтовню буржуазии о свободе печати, продажность ханжество морали господ капиталистов.

«Газеты созданы трестами; тресты, воротилы трестов запродались рекламодателям, владельцам универсальных магазинов. Газеты в целом проданы так прочно и дорого, что американская пресса считается неподкупной. Нет денег, которые могли бы перекупить уже запродавшего журналиста...»

С отращиванием сталивался поэт на каждом шагу в американской жизни с поруганным достоинством человека. Особенно его негодование вызывало положение женщины в буржуазном обществе. Это чувство породило замечательный цикл лирических стихов. Ничто не изменилось с тех пор, когда Маяковский писал в одном из самых скорбных своих стихотворений о негритянке-матери, продающей себя подгнившему мистеру Свифту во имя семьи и получающей вместе с долларами страшную болезнь. Контраст с родной страной, где женщина давно уже стала равноправным членом социалистического общества, товарищем мужчины в труде и в семье, помог поэту создать проникновенный женский образ в стихотворении «Парижанка». В противовес тому приукрашенному представлению об элегантной парижанке, которое стало привычным в буржуазной литературе, Маяковский рисует скромную женщину, изнуренную тяжелым и униженным трудом: «... очень трудно в Париже женщине, если женщина не продается, а служит».

Еще острее почувствовал Маяковский, что забота о человеке, неведомая капитализму, составляет душу, гордость советского строя. Вот почему, рассказав об индустриальной культуре самого большого американского города, поэт воскликнул:

Я в восторге
от Нью-Йорка города,
Но
кепченку
не сдеру с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока

Нужно ли говорить, как ненавистно было Маяковскому то, что мы называем сейчас духом низкопоклонства перед буржуазной культурой, как он стремился, говоря словами бессмертной комедии Грибоедова, избить «нечистый этот дух пустого, рабского слепого подражания». «жалкую тошноту по стороне чужой»...

Собственная гордость советских людей заставила Маяковского в стихотворении «Нашему юношеству» убийственно высмеять подобную «жалкую тошноту по стороне чужой», особенно противояственную в условиях советского строя:

Когда ж переходят
к научной теме,
им
рамки русского
узки:
с Тифлиской
Казанская академия
переписывается по-французски...
..нам ли,
шагавшим в огне и воде,
годами,
борьбой прожженными,
растить
на смену себе
бульварды
французскими пижонами!

Безупречный в своем уважении ко всякому народу и его языку, Маяковский восстал в этом стихотворении русский язык, ставший в советскую эпоху языком мира.

Да будь я
и негром преклонных годов.
И то,
без унынья и лени,
я русский бы выучил
только за то,

что им
разговаривал Ленин.

Живое чувство советской русской национальной гордости выражено в этих трагических словах. Со свойственной ему замечательной широтой кругозора и опромной любовью к своему родному, Маяковский советует нашей молодежи смотреть на жизнь «без очков и шор», брать все, «что у нашей земли хорошо и что хорошо на Западе». Потому что «собственная гордость» советских людей чужда всякой национальной ограниченности.

Русская литература внесла огромный вклад в литературу мировую. Ленин писал, что эпоха подготовки революции выступила «благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества». Не так ли и советская эпоха в изображении своего лучшего, талантливейшего поэта и других советских писателей выступает как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

Сознавая передовую роль своей страны, наш поэт сказал:

И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!